



ДРУГИЕ КНИГИ ДЖЕКА ОЛСЕНА
В ЭТОЙ СЕРИИ:

**УБИЙЦА
СО СЧАСТЛИВЫМ ЛИЦОМ**

ИСТОРИЯ МАНЬЯКА
КИТА ДЖЕСПЕРСОНА

**УБИЙЦА
С РЕКИ ДЖЕНЕСИ**

ИСТОРИЯ МАНЬЯКА
АРТУРА ШОУКРОССА

ДЖЕК ОЛСЕН

СЫН

ИСТОРИЯ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ,

СВОЕЙ

В КОТОРОЙ ВЫРОС

МАТЕРИ

ПСИХОПАТ-НАСИЛЬНИК



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-55

Jack Olsen

SON: A PSYCHOPATH AND HIS VICTIMS

Copyright © 1983 by Jack Olsen
Foreword copyright © 2015 by Gregg Olsen
Photo credit © John M. Harris

Олсен, Джек.

О-55 Сын своей матери: история идеальной семьи, в которой вырос психопат-насильник / Джек Олсен ; [перевод с английского Е. А. Мордашева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-211141-9

В небольшом американском городе Спокан в районе Саут-Хилл уже два года по ночам действует маньяк. Он хладнокровен и методичен, улики почти нет, число жертв исчисляется десятками. В поиски вовлечены полиция, жители и местная газета: ее главный редактор Гордон Коу помогает ловить преступника — не зная, что ищет собственного сына...

Признанный мастер жанра тру-крайм Джек Олсен восстанавливает ход этого знаменитого дела и семейный контекст, в котором оно стало возможным. Искаженная, почти извращенная привязанность матери и сына, стертые границы и упорное отрицание создали среду, где насилие копилось и зрело годами — пока не прорвалось наружу. Напряженная, документально точная и психологически глубокая история о двойной жизни и иллюзии благополучия, ставящая под сомнение саму идею «нормальной» семьи.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-211141-9

© Мордашев Е.А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Среди нас есть мужчины и женщины, живущие в нашем мире, но не принадлежащие ему... Их часто выдает преступление — взрывное, импульсивное, безрассудное.

Роберт Линднер, доктор медицины

Психопатическая личность — расстройство поведения по отношению к другим людям и обществу; при этом человек, как правило, ясно воспринимает реальность, за исключением своих социальных и моральных обязательств, и стремится к немедленному удовлетворению — через преступления, наркотики или сексуальные девиации.

Webster's Seventh New Collegiate Dictionary

Привет, малыш. Это я, твой большой приятель. Похоже, мы все преодолели, но мне еще многое предстоит. Надеюсь, тебе не выпадут такие испытания, как мне. Удачи, Билл.

Фред Коу, школьный ежегодник, 1965 год

Предисловие

О Спокане, штат Вашингтон, в детстве я почти не думал, хотя наша семья была с ним связана. После свадьбы родители жили там, и там же родился мой старший брат. В Саут-Хилл, напротив парка Манито, жили наши кузены. Но сам город для меня долго оставался пустым местом — до тех пор, пока мне в руки не попала история, изменившая мою жизнь.

Лет тридцать назад, когда мы жили в Сиэтле, отец дал мне почитать одну книгу.

— Это тревожная история, — сказал он, — но в ней много интересного о Спокане.

Я посмотрел на обложку. Автор — Джек Олсен.

— Наш родственник?

— Нет, — ответил отец. — Он живет на острове Бейнбридж. Журналист. Как и ты.

Начав читать, я не мог не согласиться с отцом: история действительно тревожная. Меня ошеломили портреты Фреда Коу, его отца Гордона и особенно матери — Рут. Это пугающее повествование позволяло заглянуть не только в души персонажей, но и в сердце старого Спокана. Книга напоминала роман с четкой сюжетной линией, только переполненный правдой. Это не мемуары, где автор рассказывает то, что хочет, а мозаика реальности, собранная мастером, — с вниманием к каждому действующему лицу.

Прочитав ее, я понял, чем хочу заниматься: писать документальные детективы. Мои ровесники говорят, что их

жизнь изменили «Над пропастью во ржи» или «Дзен и искусство ухода за мотоциклом». Мою изменил Джек Олсен. Мне захотелось описывать реальные преступления — и взять его книгу как ориентир.

Когда я работал уже над своей первой книгой, мне понадобился совет, и путь был только один. Интернета тогда еще не было, и никакой «формы обратной связи» не существовало. Пришлось набраться смелости и позвонить Джеку по номеру, полученному в справочной. Забавно: ни разговоры с серийными убийцами, ни попытки уговорить агента ФБР дать интервью не вызывали у меня такого волнения, как этот звонок. Я преклонялся перед его работой и стремился ему подражать — разговаривать со всеми, держаться фактов и не останавливаться, пока не доберешься до главного.

Я начал позванивать Джеку и встречаться с ним на книжных мероприятиях, а он стал называть меня «кузен Грегг» — хотя, разумеется, мы не были родственниками.

Однажды я сел на паром из Сиэтла на остров Бейнбридж, чтобы увидеться с ним. Я искал новую историю и думал: не осталось ли у него за эти годы какого-нибудь дела, которое заинтересовало его, но по каким-то причинам так и не стало книгой. Даже остатки у Джека Олсена могли оказаться бесценными. Он встретил меня у пристани на своем черном «Лексусе» и отвез домой. Вторую половину дня мы провели в его кабинете, переделанном из гаража: книги, премии «Эдгар», газетные вырезки — и в центре всего сам Джек.

Мы говорили о рыбалке, писательстве, прочитанном и о последнем литературном скандале, который его взбесил. Джек не стеснялся в выражениях и не боялся вступить в конфликт — ни с кем. Особенно его раздражали авторы, прибегающие к мелодраме и выдумке: он считал их разрушителями жанра.

Джек истово верил, что и герои наших историй, и их читатели заслуживают правды. Его документальная проза — образец точности и элегантности. Слово за словом,

кирпичик за кирпичиком он выстраивал повествование, несокрушимое в своей достоверности. И каждое слово в нем было правдой.

Думаю, «старейшина документального детектива», как его тогда называли, был бы разочарован нынешним состоянием жанра: тем, что громкие дела перемалывает телевидение, что за истории требуют деньги, а книги выпускают, не задаваясь вопросом, достойна ли история книги — или лишь журнальной статьи.

Джек увидел золото там, где другие прошли бы мимо — в истории серийного насильника из города, который многие считали провинциальным северо-западным захолустьем. Другие выбрали бы нечто более громкое, более «дьявольское», случившееся где-нибудь еще. Но не Спокан.

Его талант заключался не только в том, как он писал, но и в том, что он выбирал. В отличие от многих коллег, сосредоточенных на привычных сюжетах — «муж убил жену» или «жена убила мужа», — Джек искал более сложные истории. И от этого выиграли все.

Для жителей Тихоокеанского Северо-Запада имя Фреда Коу стало одним из самых одиозных — наряду с Тедом Банди. Фред и его мать Рут стали синонимами упорного отрицания вины. Рут — со своим нарциссизмом, претенциозностью и жадной мести — стала местной легендой.

Много лет назад я брал интервью у женщины по имени Мэри — она когда-то была влюблена во Фреда Коу и писала воспоминания под рабочим названием «Коу, которого я знала». Книга так и не вышла, но сам Коу, как это уже бывало, вновь начал «жить» — на этот раз как фигура почти мифическая, как «знаменитый заключенный».

Каждым тщательно выбранным словом Джек приподнимал завесу и показывал Коу такими, какие они есть, — позволяя понять, как стало возможным невыносимое.

Дело Фреда Коу стало частью истории, но в Спокане его не забыли. Остановившись этим летом в отеле «Давенпорт», я упомянул семью Коу в разговоре с официанткой.

— Мать была нечто, — сказала она.

Сдержанно — как и принято здесь.

С тех пор, как Джека не стало, прошло больше десяти лет, но сама история не закончилась. Приговор Фреду отменяли, его судили повторно — и в итоге он получил двадцать пять лет. Все это время он, как и прежде, отказывался признавать вину. Он мог бы выйти раньше, если бы согласился на лечение, но не сделал этого. Сейчас он содержится в специальном центре на острове Макнил.

Недавно, помогая вдове Джека разобраться с его архивом, я нашел одно из его писем. В нем он писал обо мне — что я принял его эстафету и посвятил себя серьезной, основанной на исследовании, «неприукрашенной» криминальной журналистике. Письмо было адресовано другому человеку, но для меня эти слова значат больше, чем многое в моей карьере.

Пожалуй, кроме одного — возможности познакомиться с этой книгой новых читателей.

Прочитав ее, вы почувствуете разницу между настоящим мастером документального детектива и теми, кто лишь делает вид.

Джек Олсен — из первых.

Грегг Олсен

Олалла, штат Вашингтон

Пролог

СИРЕНЕВЫЙ ГОРОД

Спокан, похоже, не вызывает у людей сильных чувств... Лично я никогда не испытывал к нему ничего — ни хорошего, ни плохого. Я просто пытался его продать. Четыре года — по 40—60 часов в неделю — как «чудесный край отдохновения», «врата в пышный северо-западный озерный край», место с недорогой недвижимостью, без смога и преступности — идеальное для того, чтобы растить детей.

Фред Коу, 15 января 1982 года

Большинство американцев смешивают в одну кучу города Северо-Запада — Сиэтл, Спокан, Портленд, Такому. Дождливые города, серые и сырые, хмурые. Но Спокан не хмурый как минимум климатически. Осадков в нем выпадает всего на пару капель больше, чем в Лос-Анджелесе, и вдвое меньше, чем в Сиэтле или Нью-Йорке. Солнце палит не имеющий выхода к морю «Сиреневый город» так нещадно, что на солнечной энергии работает часть тамошних железнодорожных семафоров.

Сухой Спокан так же далек от сырого Сиэтла, как Ричмонд от Нью-Йорка, и так же от него отличается. Расположенный на самом востоке штата Вашингтон, в двадцати минутах по автостраде от Айдахо, этот так называемый Центр Внутренней империи — добросердечная рыночная площадь и железнодорожная станция, гостеприимный уголок, где таксисты выходят, открывают вам дверь и желают

удачи, а забота о родном городе возведена в ранг искусства.

Спокан — край «синих воротничков» и «панибратского тыканья» (а еще край Рейгана, хотя многим из 177 000 горожан президент кажется слишком либеральным). Город расположен в естественном амфитеатре, окружен холмистыми пшеничными полями, выработанными угольными шахтами и серебряными копиями, солончаковыми балками и лунного пейзажа пустошами, припорошенными пылью с горы Сент-Хеленс. Рядом раскинулись густые леса, в городскую черту забегают пумы, а высоко над зданиями даунтауна иногда парят орлы. На скале над Спокан-Фоллс обитают сурки и свистят клиентам бара в центре города.

Город не лишен доли индустриального уродства, почерневших остатков бывшей железнодорожной станции. Однако преимущественно возрожденный Спокан зеленеет, благоухает цветами, достойный муниципальных наград, посыпавшихся на город после успешной Международной выставки 1974 года.

Американцам, забывшим сороковые и пятидесятые, это место и его дух представить трудно. Приезжий как-то написал в местную газету: «Я хотел бы поблагодарить водителя автобуса в Спокане, вернувшего мне пакет, который я на днях оставил в автобусе, а также сказать, что я обратил внимание, насколько все водители вежливы. Во время моего пребывания в Спокане они были очень любезны. Приятно осознавать, что есть еще внимательные и добрые люди».

В Спокане заботливые и добрые люди — норма. Местные гордятся помощью и отзывчивостью, водитель со спущенной шиной тут долго не промается. Былые обычаи объединенными усилиями сохраняют природные условия и география. Женщин, пока не начнут обвисать груди, величают «девушками», потом — «леди». По этим милым улицам гуляют Оззи и Харриет, Бивер Кливер, Брейди Банч. Город идеального размера: ровно настолько велик, чтобы предоставлять космополитические удобства, и ровно настолько мал, чтобы хранить добрососедство и общинность.

Улицы широки, пробки неведомы. Пешеходы машут в знак благодарности, когда машины останавливаются на пешеходных переходах, горожане излучают смесь простодушия и дружелюбия, быть может, и подвид наивности, но, тем не менее, бодрящий. Остроумничать и пытаться не стоит:

«Кассирша в ресторане быстрого питания: «Спасибо! Хотите сыграть в нашу словесную игру?» Посетитель: “Я не очень спортивен”. Кассирша: “О, спортивным вам быть не обязательно!”»

Тяжело работающим жителям Спокана не до тонкостей споров о бри и сотерне. Жены убирают дома и автобусами ездят в центр на работу, а с завода «Кайзер Алюминум», сортировочной станции «Бёрлингтон Нортерн» и сотен малых предприятий вдоль реки и на склонах холмов возвращаются усталые мужья. Жизнь здесь держится на грани нужды и одновременно сохраняет свои простые, почти племенные ритуалы.

По вечерам в выходные юнцы Спокана «разгоняют тоску», разъезжая по Риверсайд-авеню на сверкающих пикапах и старых, еще детройтских машинах, сигналижая девушкам — сцена будто из «Американских граффити». Для большинства этих подростков самое тяжкое преступление — стянуть штаны с одноклассника или закрасить в ресторане «Блэк Ангус» букву «г».

Горожане постарше отдыхают, бегая, катаясь на лыжах или потягивая пиво, а пожилые проводят время в «Биг Бразерс Бинго» на Норт-Монро-стрит, где можно выиграть от ста долларов до тысячи — если угадаешь номер первого или последнего шара.

Кажется, время в Спокане замерло, превратив город в своего рода антропологический заповедник. На воскресный бранч в барочное фойе отеля «Давенпорт» женщины определенного возраста приходят прямо из церкви — в туфлях на шпильках, в очках «кошачий глаз» со стразами, с прической паж или в париках с устремленными вверх башнями локонов. Мужчины носят странные ежики, каскады или начесы а-ля помпадур.

Только что приехавшие из Палуса фермеры щеголяют в атласных рубашках и галстуках-лассо, а состоятельные бизнесмены, закинув уставшие ноги на кадки с растениями, хвастаются новыми ковбойскими сапогами за пятьсот долларов — с вышитыми завитками и узорами.

Мода на тематические рестораны здесь еще не прижилась, и пообедать вне дома можно без неизбывной спаржи и прочих гастрономических затей. Еда простая и дешевая, вывески обещают: «Бефстроганов, телятина с пармезаном», «Ресторан Пола утолит голод».

При подаче каждого блюда официантки непременно прощепечут: «Пожалуйста, ваше!», кофе будут подливать чуть ли не ежеминутно, а названия вроде «шабли» и «вишисуаз» произнесут строго по написанию — с той самой старательной серьезностью, от которой становится еще уютнее. Местные любят избитые выражения, навроде «Три часа в чистом виде»¹ и «Прям вторник целый день»², а в ответ на вашу благодарность улыбнутся и скажут: «Обращайтесь еще!» или «Обращайся!», и серьезно, без тени усмешки. Иногда попадают и злобные горлодеры, и хамы, но знают свое место.

За пять десятилетий после отъезда в 1920-х годах Гарри Лиллиса «Бинга» Кросби в этом задымленном старом городе с железной дорогой произошло очень мало событий национального масштаба. Расслабленный стиль Кросби чисто споканский, и местные вспоминают его с теплотой. На территории кампуса Университета Гонзага, его альма-матер, музей Кросби и статуя певца. Отдельным первокурсникам, «еще не вполне уловившим дух Гонзаги», по выражению его президента, не дает спокойно спать бронзовая трубка во рту статуи. Замена украденных трубок обходится в сто долларов за штуку, и с недавних пор охранники кампуса на ночь убирают, а с восходом солнца возвращают трубку, словно флаг.

¹ Не лучшее время (*Здесь и далее прим. ред.*)

² Вторник считается тяжелым днем.

Редкое общенациональное упоминание старого родного города случилось в популярном телевизионном ситкоме «Такси» в диалоге бывшего хиппи таксиста Джима Игнатовски и посетительницы нью-йоркского таксопарка. Игнатовски спрашивает:

— Вы в городе недавно?

— Да.

— Откуда вы?

Женщина отвечает:

— Из Спокана.

— Спокан!

— Вы там бывали?

— Нет. Подождите! Что я говорю? Я из Спокана, э-э, думаю. Послушайте, какое красивое платье. Где вы его купили?

— В Спокане.

Он внимательно изучает ее фигуру.

— Ух ты! Давно я не видел платьев из Спокана.

Почивший журнал «Спокан» на диалог посетовал. «Бойсе — смешной, — отмечалось в редакционной статье, — Такома — смешная. Уолла-Уолла — годится посмеяться в любой день года. Но Спокан даже близко не смешной».

Ни один разумный наблюдатель не поспорит. Милый и удобный для жизни Спокан — это замкнутая белая англосаксонская христианская община, относящаяся к себе и собственному благочестию серьезно. Типичная растяжка на доме: «Боже, благослови Америку, Мир на Земле», а на рекламном щите попросту: «Деяния 1:8». Алкаши обретаются у здания Объединенной Евангельской миссии с выведенной на фронтоне надписью: «Христос — наша вера, любовь — наш закон». Собор Святого Иоанна, архитектурный шедевр, словно перенесенный из долины Луары, возвышается над городом подобно бдительному отцу-епископу.

Чернокожие составляют менее двух процентов местного населения, а притока новых этнических групп не наблюдалось с тех пор, как до 1900 года сюда приехали (и вскоре